

УДК 130.32

К. С. Пигров

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

При осмыслении национального самосознания автор статьи ставит на первое место не рациональное, а эмоциональное начало. Телесность населения, территория, артефакты культуры обретают аксиологический, национально ориентированный смысл и составляют основу структуры национального самосознания. Нация обретает самосознание, персонифицируясь как возглавляемая лидером элита, сплоченная убежденностью в глобальном смысле национального самоосуществления. При этом национальное самосознание всегда предполагает горизонт угрозы самому существованию нации. Потому оказывается легитимной возможность уничтожения «других». Эту негативность в существующих «правовых государствах» «диалектически снять» пока не удастся.

Ключевые слова: национальное самосознание, национальное самоосуществление, общественное самосознание, Гегель, структура самосознания, рациональное, эмоциональное, нация, правовое государство, население, территория, элита, артефакты культуры, лидер, персонификация.

K.S. Pigrov

REFLECTIONS ON THE STRUCTURE OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS

In the article the emotional, not rational, is put first in the understanding of national self-consciousness. The corporality of population, territory, culture artifacts take the axiological, nationally oriented meaning, and form the basis of the structure of national self-consciousness. The nation achieves the self-consciousness, being attributed to the elite, headed by the leadership figure, consolidated by self-assurance in the universal sense of national self-realization.

National self-consciousness always involves the perspective of threat to the existence of the nation itself. So the possibility for the annihilation of the “others” proves to be legitimized. This negativity in the existing “legal states” cannot be “dialectically removed” yet.

Keywords: national self-consciousness, national self-realization, public self-consciousness, Hegel, the structure of self-consciousness, the rational, the emotional, nation, rule-of-law state, population, territory, elite, culture artefacts, leadership figure, personification.

Классическая новоевропейская литература, затрагивавшая проблемы общественного самосознания, исходила как из парадигм эпохи Просвещения (в частности, в рамках интроспективной концепции сознания), так и — в более глубоких своих пластах — из аксиологической системы христианства [1].

Наиболее полно и продуманно выразил позицию классики в отношении самосознания Гегель [2–4]. С его точки зрения, самосознание в своем прогрессивном развитии проходит три ступени. Первая ступень — это *единичное вождедующее самосознание*, здесь человек осознаёт самого себя в пределах своей единичности и в объёме своих животных потребностей; вторая ступень — *совместное признающее самосо-*

Пигров Константин Семенович — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; kspigrov@yandex.ru

Pigrov K.S. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; kspigrov@yandex.ru

знание, здесь единичное вожделеющее сознание снимается за счёт установления неравных отношений господства и рабства между людьми; наконец, третья ступень — *всеобщее свободное равное самосознание* (см. подробнее: [5]). Реальным проявлением последней формы самосознания должно было быть современное «правовое государство».

Однако этим утопическим христианско-философским мечтаниям не суждено было осуществиться. Новоевропейской цивилизации не удалось снять негацию первой и второй ступеней развития самосознания, и как единичное вожделеющее сознание, так и совместное признающее сознание продолжали давать рецидивы, разрушая хрупкое «всеобщее свободное равное самосознание». Общество снова и снова скатывается к доцивилизированным формам общественного порядка. Именно в этом коренятся глубинные корни тоталитарных обществ XX в. и тех явлений, которые возникают уже в XXI в. под масками «демократии», «свободы», «цветных революций» и т. п.

Крах гегелевской утопии в конкретном историческом контексте выпукло показал У. Черчилль, сравнивший результаты наполеоновских войн с итогами Первой мировой войны. После победы над Наполеоном казалось, что безраздельно воцарился цивилизованный порядок: «В 1814 году победоносные союзники фактически владели всей Европой. Они имели полную физическую возможность навязать свою волю всему миру. В 1919 г. опасности были гораздо больше и союзники гораздо более истощены; обширные области и чрезвычайно важные факторы оставались вне их контроля. В 1814 г. в изящной и церемонной обстановке частных совещаний собралась группа аристократов, всю жизнь обучавшихся ведению государственных дел и дипломатии, до последней степени уставших от войны и ненавидевших перемены; целью их было восстановить и укрепить традиционный общественный порядок после двадцатилетних смятений. В 1919 г. вопросы решали народные трибуны и лидеры народных масс, добравшиеся в грубой сумятице партийной борьбы до головокругительных высот власти и победы и с опаской балансировавшие на ненадежном и изменчивом основании, которое представляет собой сила общественного мнения. Все они претендовали на то, чтобы обеспечить человечеству народное будущее. Правда, парламенты до известной степени выражали общественное мнение и сообщали ему большую устойчивость, но, с другой стороны, общественное мнение испытывало на себе сильнейшее влияние прессы. В 1814 г. происходили спокойные, обдуманые совещания уверенных в себе и прочно сидевших на своих постах людей; в 1919 г. происходили шумные столкновения сбитых с толку демагогов, из которых каждый привык к широкой деятельности, каждый должен был обеспечить победу за собой и за своей партией и дать удовлетворение национальным опасениям и страстям независимо от того, были ли они основательны или нет» [6, с. 175–176]. В 1814 г. элиты в основном ещё верили в возможность социальной реализации христианской предустановленной гармонии, в 1919 г. под давлением реального исторического развития эта вера уже испарилась.

Негативные моменты в развитии самосознания — «вождеделение», «господство и рабство» не удалось «диалектически снять». Общественное самосознание в XX в. скатилось к тому, что может быть названо «цивилизированным варварством», замаскированным стремительным научно-техническим прогрессом. Не без влияния последнего гегелевские концепты «вождеделения» и «господства — рабства» в обще-

ственном самосознании трансформировались в стихию «общества потребления» и в «волю к власти». Поступательное движение истории, «прогресс в сознании свободы», какими их мыслил Гегель, провалились.

Естественно, что постклассическая социальная философия попыталась заново осмыслить общественное самосознание. Модерн, по существу, «инвертировал» парадигмы классики. В русле парадигм модерна лежит и гипотеза представленного в настоящей статье проекта исследования проблемы национального самосознания, согласно которой на первое место в самосознании ставится *не рациональное, а эмоциональное* начало. Я стремлюсь подчеркнуть, что для осуществления своего самосознания та или иная общность прежде всего должна отмежеваться от других общностей. Суть общественного самосознания задается отношением «мы» и «они» [7], а потому в нем обязательно присутствует негативный момент, который в существующих «правовых государствах» и в отношениях между ними снять не удастся. Самое главное в структуре общественного самосознания инвариантно определяется структурой самого социума: отцы и дети, мужчины и женщины, элита и народ, хозяева и работники, интеллигенция и власть, русские и американцы и т. д. в их напряженных диалогических отношениях. Негативный момент, который остается не снятым во всех этих диалогических отношениях, в общественном самосознании именно в сфере национально-этнических отношений обнаруживает свою «критическую точку».

Под критической точкой я подразумеваю реальную возможность физического уничтожения других, например геноцид. Там, где может пролиться кровь, где есть угроза гибели, — вот там действительно и ставится вопрос о самосознании.

Исходным ядром самосознания выступает эмоциональное переживание единства самого себя. Отстраненное, дистанцированное *созерцание* самого себя и рациональное *объяснение* себя развиваются из отношений с другим. Так, применительно к общественному самосознанию экзотерические мифы обладают определенным приоритетом по отношению к экзотерическим мифам. Архаическая общность объясняет себя сначала чужим, потом — себе, подобно тому как мы сначала выстраиваем образ, представление, понятие о других и только потом — о самих себе. Аналогичным образом национальная историография строится в попытке сначала объяснить себя другим нациям, а потом уже — себе.

Самосознание, как известно, предстает как гностическое чувство, которое обеспечивает переживание принадлежности психических процессов нашему «я». Существуют, очевидно, не только индивидуальные гностические чувства, но и социальные гностические чувства — они и составляют самое ядро содержания общественного самосознания. Если самосознание — это сознание «своего», то прямое отношение к самосознанию имеет социально-антропологический концепт *собственности*, не сводящийся только к экономическим отношениям. Скажем, все присваивающие переживания — «моё сознание», «моё тело», «мои дети», «моя жена», «мой дом», «моя земля» — только в предельно профанированной форме предстают как экономические отношения собственности. Особенно интересны в данном контексте «мои дети» как форма торжествующего самосознания — моего самоутверждения, поскольку именно «мои дети» внутренне включают в себя мое отрицание, что профанируется, например, в известном «Эдиповом комплексе». Существенным образом аналогичны отношения на социетальном уровне: метрополия — бывшая империя

относится к отделившимся суверенным общностям, конституировавшимся как государственные образования, в лучшем случае как к «своим детям» (см. показательное современное исследование о судьбе Британской империи [8]).

Определенные особенности грамматических отношений позволяют лучше понять некоторые существенные аспекты самосознания. Рассмотрим, например, притяжательные местоимения, указывающие на признаки предметов по их принадлежности к участникам речи: мой, твой, их, его, её, свой. Эти местоимения в социально-философском плане обращают на себя внимание теми трудностями, которые возникают с третьим лицом. Притяжательные местоимения в норме изменяются как прилагательные — за исключением как раз притяжательных местоимений 3-го лица, что составляет особую филологическую трудность [9, с. 419]. Притяжательные местоимения третьего лица удивительным образом «не хотят» изменяться как прилагательные. Правда, в просторечии формы притяжательных местоимений в качестве прилагательных всё-таки употребляются, но звучат они вульгарно — в направлении к обценному табуированному слову: ихний, евонный, ейный. Я полагаю, что язык таким образом сигнализирует о некоем «онтологическом беспорядке». Неявно как бы предполагается, что у «них» в принципе ничего «своего» не должно быть — всё может быть только «наше», но не «ихнее».

Самосознание по своей природе интенционально. Я знаю, что знаю самого себя, когда я знаю то, *на что* мое знание направлено. Известно, что в основе концепта интенциональности, который может быть использован для осмысления самосознания, лежит образ активной направленности субъекта *вовне*. Но в случае самосознания интенциональность не только обнаруживает направленность *вовне*, но и предполагает активную центростремительную силу, «втягивающую *вовнутрь*». Самосознание направлено на «вбирание» предмета в себя в процессе превращения его в «свой» или поддержания его как «своего». Самосознание есть «черная дыра», «насос», порыв — часто неистовый — вовлечения в себя. Это жажда присвоения, овладения, в широком смысле — жажда воли к власти. В этом контексте известная работа Ф. Ницше [10] может рассматриваться как базовая аналитика самосознания в эпоху модерна.

Самосознание в его становлении начинается с *имитации* самосознания. Ведь там где есть мимесис, там присутствует и момент имитации как создания модели самого себя. Вовлечение в себя, по существу, также есть форма имитации. Всякое самосознание проходит через стадию симулякров, т. е. процесс имитации себя. Мы можем проследить эти процессы на примере становления так называемого машинного интеллекта, обратившись к машине Тьюринга [11]. Подобным образом и российское самосознание в известном смысле сначала «имитировало» Византию, а затем Запад, пока не стало самостоятельным, хотя момент имитации в нем всё равно сохраняется, как и в любом самом развитом национальном самосознании.

В своей имитации национальное самосознание *празднично* (см. подробнее: [12]). Самосознание нации манифестируется и особенно напрягается во время праздников, ибо праздник предполагает непосредственное массовое трансцендирование — обращение к высшим надмирным ценностям бытия. Негативный момент в самосознании обнаруживается здесь в том, что праздник, предполагающий прорыв в поле сознания дионисийных стихий, чреват «беспорядками» или даже революцией. В аспекте «будней полиции» праздничность предполагает усиленные наряды стра-

жей порядка. Поэтому праздник, поскольку он манифестирует самосознание, чреват испытанием социального порядка на прочность.

Праздничность по определению есть *роскошь*, она избыточна, чрезмерна, бессмысленна с точки зрения удовлетворения утилитарных потребностей. К чему, скажем, тратить каждый год громадные средства на праздничную иллюминацию? Ведь электроэнергия всегда не хватает. Однако с точки зрения национального самосознания праздничная иллюминация совершенно необходима. Аналогичным образом артикулирующая национальное самосознание гуманитаристика в общей структуре общественного сознания представляет собой момент роскоши, который, тем не менее, обеспечивает причастность нации к высшему трансцендентному началу. Без «роскошеств» праздника и гуманитаристики национальное самосознание было бы невозможно.

На что направлена рефлексия в аспекте национального самосознания? Какие предметы втягивает в себя, поглощает, проглатывает самосознание?

Во-первых, национальное самосознание присваивает телесность населения. Именно таким образом и происходит базовая самоидентификация. Мы — россияне, «многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле», как гласят первые строки Конституции РФ. Население России на 10 сентября 2014 г. составляет 142 801 593 человека. За 2014 г. население России уменьшится приблизительно на 332 997 человек, или на 0,23%. При этом ожидается, что за год родится 1 586 040 детей и умрёт примерно 2 302 269 человек [13]. Знание об этом рождает в сознании как рядового гражданина, так и представителей элиты чувство некоего негативного напряжения и подспудной тревоги. Такого рода ресентимент и есть конкретное обнаружение, один из моментов эмоционального переживания самосознания страны.

Во-вторых, национальное самосознание присваивает свою территорию. Территория — это национальный Дом. На 2014 г. (после присоединения Крыма) территория Российской Федерации составляет 17 124 442 км² [14]. Неотъемлемой составляющей территории являются природные богатства: недра, а также растительность (леса) и воды.

В-третьих, самосознание осуществляется через артефакты — инфраструктуру, индустрию, памятники культуры. Наши российские заводы, российские животноводческие фермы, российские плодоносящие поля и фруктовые сады, города, музеи и т. п. также есть элемент нашего самосознания. Речь идет не только о присвоении самих предметов, но и о присвоении их эйдосов. В техногенной цивилизации собственность на технические бренды (скажем, автомат Калашникова или космический корабль «Союз») — важный момент самосознания. В. В. Путин летает на Ил-96 [15], укрепляя тем самым национальное самосознание. Правда, в качестве личных автомобилей он использует «Мерседес» и «БМВ», и это обстоятельство идет в ущерб национальному самосознанию [16]. С какой машины принимал 9 мая Парад Победы министр обороны Сергей Шойгу? Это ЗИЛ-41041 АМГ (правда, на базе шасси американского пикапа «GMC Sierra 1500») [17].

Особое место среди артефактов, выражающих национальное самосознание, занимают *реликвии, подлинники и драгоценности*. Реликвия — вещь, свято хранящаяся, почитаемая, связанная с историей и религией. Главное в реликвии (от лат. *relinquere* — «оставаться») — инвариантность по отношению ко времени. Среди

реликвий исключительно важное место занимает подлинник — оригинал, *служущий образцом* для воспроизведения. Реликвии и подлинники, по существу, являются собой предметно представленные эйдосы. Отсутствие такой реликвии, как, например, оригинал «Слова о полку Игореве», подрывает национальное самосознание русских. Отсюда такая жестокая борьба как среди профессионалов, так и в массовом сознании по поводу доказательств того, что «Слово» — это не новодел XVIII в., а подлинник XII в. [18–19].

Шапка Мономаха, другие драгоценности Оружейной палаты и Золотой кладовой Эрмитажа бесценны — это драгоценности в статусе реликвий. Их существование жизненно необходимо для народа: так же как и праздник, оно выражает причастность нации к высшему, трансцендентному началу самореализации в мировой истории. Национальное самосознание, дающееся нам, в частности, через такого рода драгоценности, противоположно сиюминутным интересам населения, противоположно его потребностям в комфорте, пропитании и безопасности. Эти драгоценности принадлежат народу, а не населению. С точки зрения абсолютных ценностей национального самосознания было бы совершенно неправильно, например, продать их, чтобы подкормить голодное население в ситуации войны или катастрофы.

Напряжение национального самосознания ярко выражается в монументальной скульптуре. В скульптуре, имеющей значение для национального самосознания, всегда существенно измерение *подлинности*. Так, Габриель Маркес в своей Нобелевской речи иронически отметил, что «памятник генералу Франсиско Морасану, воздвигнутый на центральной площади Тегусигальпы (столицы Гондураса. — К. П.), на самом деле является статуей маршала Нея, купленной в Париже на барахолке» (курсив мой. — К. П.) [20].

В монументе также присутствует *эстетическое* измерение, несущее, пусть и потаенную, нагрузку национального самосознания. Появляются, например, провокационные перечни «самых уродливых» скульптур мира. В один из таких перечней был внесен монумент «Мужество» в Брестской крепости (проект А. П. Кибальникова) [21]. Не только указание на «неподлинность», но и указание на «уродливость» выступает как покушение на национальное самосознание, что очевидно в случае творения А. П. Кибальникова.

Возможна ли катастрофа национального самосознания? Да, возможна. Нация в этом случае претерпевает *деперсонализацию*, т. е. нарушение социальных гностических чувств [22]. Кажется, что деперсонализация страны непременно подразумевает геноцид, лишение территории, потерю богатств, разрушение памятников, забвение языка, — однако эти моменты вовсе не обязательны. Народ, впадая в состояние «феллашества» (О. Шпенглер), может и *не заметить* потери своих гностических чувств. Людям кажется, что и территория, и богатства, и памятники, и язык «на месте», — однако они теряют смысл, конституирующий национальное самосознание.

Каким же образом теряются смыслы национального сознания? Деперсонализация страны — это прежде всего лишение её лидеров, властителей, которые обладают волей превращать объект общества в субъект, вдыхая в страну свою собственную субъектность. Деперсонализация страны — это потеря не только властной, но и интеллектуальной элиты, которая могла бы объяснить населению, что оно *призвано* быть народом, нацией. Это потеря ученых, профессоров, школьных учителей, писателей, священнослужителей и других «специалистов по смыслам» — главным об-

разом представителей гуманитарных специальностей. Самосознание не дается населению как нечто само собой разумеющееся. Тем более не дается оно территории: артефактам культуры самосознание не может быть придано «автоматически». Нужно ещё *понимать*, что *значат* эта территория, эти артефакты. Поэтому национальное самосознание укореняется, персонализуется в личностях, которые присваивают себе (обоснованно или необоснованно) монополию на понимание смыслов. Эти личности реализуют в себе саму интенцию собственности в самом широком смысле, т. е. способность присваивать себе телесность населения, территорию и артефакты. Необходим лидер, который «владеет» населением, территорией и артефактами культуры. Когда Николай II в переписи населения Российской империи 1897 г. обозначил свое положение в стране как «хозяин земли Русской» [23], номинально он выразил самую суть монархии. Другое дело, что фактически «хозяином», ответственным за самосознание страны, он не являлся.

Лидер представляет собой «насос», способный втягивать в себя предметность населения, территории и культурных артефактов, придавая им смысл самосознания посредством присвоения, персонального владения. Стране такой человек жизненно необходим. Национальное самосознание нуждается в людях, которые бы обладали неистовой страстью к собственности в широком смысле слова, которые бы могли переживать страну как действительно *свою* страну. Как уже было сказано, это не только властители, но и художники, историки, философы, искусствоведы.

Общественное самосознание мыслит вождями и «властителями дум», которые готовы пожертвовать собой и даже — парадоксальным образом — населением, территорией и богатствами страны ради её самосознания. Лидер инкорпорирует своё начало субъектности в страну, которая без лидера являлась бы не субъектом, а только объектом. Он осмысляет и переосмысляет выделенные выше элементы структуры самосознания. Они не будут моментами самосознания, если лидер не вдохнет в них идею своей самости. Парадокс заключается в том, что лидер «важнее», чем население, чем территория, на которой обитает это население, чем богатство, которым владеет население, даже важнее, чем реликвии, подлинники и драгоценности. Именно плеяда лидеров и превращает население в народ на определенном этапе развития его самосознания.

Так, во время Второй мировой войны Шарль Де Голль сыграл исключительную роль в укреплении самосознания Франции. Напротив, Анри Филипп Петен, в 1916 г. — победитель при Вердене («*vainqueur de Verdun*»), в каких-то отношениях безупречный человек, заботящийся о благополучии французов и в 1940–1944 гг., быть может, сберегший миллионы жизней, не говоря уже о сохранных национальных памятниках и произведениях искусства, оказался в объективном противостоянии национальному самосознанию. История показала, что в определенный исторический момент Петен, при всех своих националистических установках, не смог утвердить самосознание Франции. В 1945 г. Верховный суд Франции признал Петена виновным в государственной измене и военных преступлениях и приговорил его к смертной казни через расстрел, общественному бесчестию и конфискации всего имущества. Председатель Временного правительства Шарль де Голль, из уважения к преклонному возрасту обвиняемого и его заслугам в годы Первой мировой войны, 17 августа 1945 г. помиловал 89-летнего маршала и заменил смертную казнь пожизненным заключением. Таковы уроки этого мучительного испытания национального

самосознания в войне: «Петен спасает мебель, Де Голль спасает честь». Да, «мебель» Франции была спасена: на её территории не было ни Варшавы, ни Сталинграда. Но *честь Франции*, которая в известном смысле и есть национальное французское самосознание, была сохранена другим лидером.

Деперсонализация как национальная катастрофа происходит, когда страна не в состоянии выдвинуть вождя. Т. Карлейль был прав, критикуя расхожий тезис о том, что историческая ситуация выдвигает лидера сама, «автоматически». Были эпохи, восклицает Карлейль в «Шестой беседе», которые зывали к лидерам, — но лидеры так и не появились [24, с. 159]. Почему Россия рухнула во время Первой мировой войны, когда до победы оставалось совсем немного? Потому что она претерпела деперсонализацию. Николай II не мог персонализировать Россию. В этом смысле В. И. Ленин «спас Россию»: он персонифицировал её, он вернул стране самосознание — пусть иное, вне православия и монархии, но вернул.

Национальное самосознание удостоверяется кровью, пролитой за национальную идею. Иван IV, Петр I, Сталин, Жуков в конечном счете оказались «прощены» русской историей, поскольку речь шла об утверждении национальной идеи. И Николаю II Россия простила бы Кровавое воскресенье, не прояви он малодушия, представляемого некоторыми как «христианское смирение».

Конечно, большие жертвы со стороны населения сами по себе ещё не обещают укрепления самосознания. Ведь лишь в исторической ретроспективе можно отличить подлинное национальное самосознание от ложного. Историческая критика истории часто идет именно по этому пути: мол, лидер пролил много народной крови, но ничего не добился. Может быть, и так. Но кто в рамках парадигм модерна осмелится утверждать, что история обязательно имеет «хороший конец»?! Скорее наоборот. В истории господствуют «плохие концы», когда напрасно гибнут не только лидеры и элиты, но вымирает население, деградирует ландшафт, исчезают народы.

...А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Национальная судьба, выражаемая самосознанием нации, так же трагична, как и судьба национального лидера, персонифицирующего её сознание [25].

В заключение попытаемся кратко ответить на вопрос о том, что же есть общественное самосознание в своей структуре. Оно персонифицируется как возглавляемая лидером элита (или кластер элит) — сравнительно небольшая группа, сплоченная своей истовой идейной убежденностью в смысле национального самоосуществления. Эта идейная убежденность передается населению, становящемуся народом и обретающим тем самым своё самосознание.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / сост., комм. и послесл. А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. xlvii+444 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 7–209.

4. Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т.3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
5. Труфанов С.Н. Концепция самосознания в философской системе Г.В.Ф.Гегеля: дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2007. 146 с.
6. Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М.: Эксмо, 2003. 768 с.
7. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М.: Мысль, 1971. С. 7–35.
8. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
9. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 984 с.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
11. Тьюринг А. М. Может ли машина мыслить? М.: ГИФМЛ, 1960. 102 с.
12. Пигров К. С., Смирнов Е. А., Юдин Н. Л. К метафизике праздничности. М.: Юнити-Дана; Элит, 2011. 672 с.
13. Население России // Демоскоп Weekly. URL: http://countrymeters.info/ru/Russian_Federation (дата обращения: 10.09.2014).
14. Самые большие страны мира // TopMira.com. URL: <http://topmira.com/goroda-strany/item/39-samy-e-bol> (дата обращения: 21.06.2014).
15. На чем летают президенты: все о самолетах Буша, Путина и Ющенко // TIMER. URL: <http://timer-ua.com/politic/2008/06/05/134003.html> (дата обращения: 20.06.2014).
16. Mercedes Grand Pullman, автобусы для передвижения на далёкие расстояния Mercedes Sprinter и VW Caravelle, а также BMW 5-Series. Любимые автомобили Владимира Путина // Автоклуб78. URL: <http://autoclub78.ru/raznoe/lyubimye-avtomobili-vladimira-putina> (дата обращения: 20.06.2014).
17. На машине какой марки принимал парад победы министр обороны Сергей Шойгу // Большой вопрос: [сайт]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/953716-na-mashine-kakoj-marki-prinimal-parad-pobedy-ministr-oborony-sergej-shojgu.html> (дата обращения: 21.06.2014).
18. Зализняк А. А. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»: [доклад, прочитанный на научной сессии Общего собрания Российской академии наук «Русский язык в современном мире», состоявшейся в РАН 19 декабря 2007 года] // Мир истории: электронный журнал. 2008. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2008/01/slovo.htm> (дата обращения: 02.09.2014).
19. Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 516 с.
20. Маркес Г. Одиночество Латинской Америки // Гарсиа Маркес: [сайт]. URL: <http://www.marquez-lib.ru/works/ya-zdes-ne-dla-togo-chtoby-govorit-rechi-text5.html> (дата обращения: 09.11.2013).
21. CNN statement on world's ugliest monuments story. March 8, 2014 // CNN.com. The international edition. URL: <http://edition.cnn.com/2014/01/24/travel/worlds-ugliest-monuments> (дата обращения: 06.09.2014).
22. Мегранян А. А. Дегерсонализация. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1962. 283 с.
23. Терновская Т. «Хозяин земли Русской» // Шатки.ру. URL: <http://www.shatki.ru/stati/novyiy-put-may-2010/hozyain-zemli-russkoj.html> (дата обращения: 08.09.2014).
24. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы / пер. с англ. [и вступ. ст.] В. И. Яковенко. М.: Вуз. кн., 2006. 276 с.
25. Пигров К. С. Размышления о трагическом призвании властителя // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, Вып. 1 (77-78). С. 181–188.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2014 г.